

Александр Парнис

«Мы находимся к Пушкину под прямым углом»

Футуристы и Пушкин

В декабре 1912 г. русские футуристы опубликовали скандально-знаменитый манифест "Пощечина обществу", в котором "сбрасывали" Пушкина и других классиков с "Парохода Современности".

Футуристы боролись не с Пушкиным, а с "культом Пушкина". Как остроумно заметил один исследователь (М.Петровский), хотя футуристы и "сбрасывали" Пушкина с "Парохода Современности", но парадокс в том, что его "багаж" оставался на этом самом пароходе.

Приведенные в названии статьи эпатажные слова — из полемического доклада Д.Бурлюка "Пушкин и Хлебников", прочитанного в ноябре 1913 г. в петербургском Тенишевском училище. Этот футуристический тезис Бурлюка, направленный против Пушкина, был сформулирован на два года раньше его знаменитых антипушкинских строк из стихотворения "Утверждение вкуса", первоначально напечатанного под заглавием "Плодоносящие" (1915):

Мне нравится беременный мужчина,
Как он хорош у памятника

Пушкина...

Загадочный оксюморон "беременный мужчина", вероятно, восходит к сербской поговорке: "Све бите може, до бредь чоек" ("Все бывает, кроме беременного мужчины"), использованной Хлебниковым в рассказе "Загадочное сердце (Из черногорской жизни)". Рассказ был впервые опубликованном под псевдонимом "В-кий" в 1913 году.

Более 85 лет назад, в марте 1913 г., в Риме на художественной выставке возник конфликт между двумя русскими поэтами. Синдик акмеизма Сергей Городецкий вызвал на дуэль мэтра символизма Вячеслава Иванова. Ссора произошла из-за Пушкина; это случилось в футуристическом зале и на фоне, что важно подчеркнуть, картин итальянских футуристов. Присутствовавший при ссоре журналист М.М.Гаккебуш, редактор "Биржевых ведомо-

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на международной конференции "Пушкин-европеец", проходившей в Риме и Венеции 13-17 октября 1998 г.

стей", рассказал о ней в Петербурге немецкому поэту-переводчику Ф.Ф.Фидлеру, который сделал запись об этом скандальном эпизоде в своем дневнике, написанном на немецком языке. Фрагменты из него были напечатаны в 1994 г. К.М.Азадовским: "Городецкий сказал, что понимает Пушкина. Иванов возразил, что он, Городецкий, — либо мерзавец, потому что лжет, либо безумец. Городецкий, глупо обидевшись, вызвал его на дуэль. Но вскоре конфликт был улажен за двумя бутылками шампанского".

Попытаемся установить причины инцидента и понять, в чем суть спора о Пушкине. Здесь возможны различные толкования. Азадовский связывает этот конфликт с дискуссиями о современной поэзии, которые велись в печати в 1911-1913 гг. и были инициированы возникновением антагонистических символизму направлений в искусстве — акмеизма (одним из его вождей был участник конфликта С.Городецкий) и футуризма.

Между тем, на этот вопрос можно ответить более определенно — действительная причина ссоры, как нам кажется, была другая. Обратимся к историколитературным фактам и дополнительным источникам. Частично разъяснение можно найти в сохранившихся двух письмах Городецкого к Вяч. Иванову, цитаты из которых приводит Азадовский: "Не относиться к акмеизму так болезненно, — писал он из Равенны 7 апреля 1913 г. — Нет гнусности, которой бы ты в нем не заподозрил! Нехорошо! <...> Я не знаю, могу ли простить твои ругательства. Кажется, не могу уже. В зале футуристов ты напал из-за угла, как член мафии, и употребил во зло все, что нас связывает. Ты взял потом обратно свои термины. Это возвращает тебе право участвовать в полемике, но и только. И так это все было нехорошо!" В другом письме, отправленном 19 апреля уже из Петербурга, он снова возвращается к этому

конфликту: "У меня досадное чувство, что мы римские дни проспорили далеко не прекрасно и только от немногих мгновений, когда шаги наши зазвенели ночью о камни, есть светлое ощущение".

Эту конфликтную ситуацию можно в определенной степени прояснить, если рассматривать ее в конкретном контексте. Скорее всего, в полемике между Вяч. Ивановым и Городецким шел разговор не только о "понимании" или любви к Пушкину. Несомненно, конфликт связан и с предшествующими событиями, которые произошли в последние месяцы в литературно-художественной жизни обеих русских столиц. Так как конфликт произошел в футуристическом зале, то можно предположить, что спор о Пушкине был связан как с программой акмеистов, так и с выпадами футуристов, или их "акциями", как сегодня бы сказали, направленными против Пушкина и других классиков, а также ниспровергательными заявлениями футуристов в манифестах и публичных выступлениях. Можно предположить, что Городецкий занял профутуристическую позицию. Более того, родной брат С.Городецкого Александр выступил как поэт (под псевдонимом "А.Гей") в первом боевом альманахе поэтов "будетлян" (термин В.Хлебникова) — "Садке судей", вышедшем в 1910 году.

Восстановим хронику футуристических акций накануне конфликта.

В упомянутом манифесте "Пощечина обществу", вышедшем в декабре 1912 г., футуристы впервые заявили: "Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности". Этот максималистский тезис футуристов, направленный против Пушкина и классиков XIX века, буквально взорвал литературную общественность и вызвал шквал обвинений в варварстве, безумии и бездар-

ности молодых авторов сборника, которых в печати стали называть "футуристами". Травля, разного рода нападки и обвинения в печати звучали не только со стороны "желтой" прессы и обывателей, но и от представителей различных литературных группировок. Очень точно эту "охранительную" тенденцию выразил один полицейский пристав на публичном выступлении Маяковского: "Не позволю оскорблять Пушкина и прочее начальство".

Выдвинув в этом манифесте новую эстетическую программу и новые принципы поэтики, футуристы развивали и закрепляли ее в других своих манифестах, воззваниях и публичных выступлениях. Основное обвинение, постоянно выдвигаемое против футуристов, было то, что они отвергали традиции русской классической литературы и искусства. Но их декларативный тезис, внешне направленный против классики и ее языковых канонов, диалектически был обращен к авторитету Пушкина. Как известно, 1913 год в движении русских кубофутуристов был кульминационным. В начале этого года вышли новые футуристические сборники, устраивались публичные диспуты о современном искусстве, организовывались левые выставки. В феврале-марте 1913 г. вышли второй "Садок судей" с коллективным манифестом и альманах "Требник троих", в которых были опубликованы тексты Хлебникова, Маяковского, Д.Бурлюка, А.Крученых и других.

Тогда же, в феврале 1913 г., была напечатана отдельная листовка под таким же названием — "Пощечина обществу" — с новым коллективным манифестом, в котором Хлебников провозглашался его соратниками "великим поэтом современности", несущим "с собой Возрождение Русской литературы".

В это же время, 25 марта 1913 г., А.Блок сделал запись в своем дневнике, свидетельствующую о его серьезном интересе к футуристам: "Эти дни

— диспуты футуристов, со скандалами. Бурлюки, которых я еще не видал, отпугивают меня. <...> Футуристы в целом, вероятно, явление более крупное, чем акмеизм". Далее в этой записи он дает тщательно взвешенную и четкую дифференцированную оценку основных представителей нового течения. А сделанная Блоком через несколько месяцев, после посещения футуристического спектакля — трагедии "Владимир Маяковский" (10 декабря 1913 г.), — пронзительная запись в дневнике также свидетельствовала о его верном понимании тактики футуристов и их ниспровергательных заявлений о Пушкине: «Когда я говорю со своим братом-художником, то мы оба отлично знаем, что Пушкин и Толстой — не боги. Футуристы говорят об этом с теми, для кого втайне и без того Пушкин — хам ("аристократ" или "буржуа"). Вот в чем лезть и, следовательно, ложь». Через месяц, 9 января 1914 г., Блок снова вернулся к этой же мысли: «А что, если так: Пушкина научили любить опять по-новому — вовсе не Брюсов, Щеголев, Морозов и т.д., а... футуристы. Они его бранят, по-новому, а он становится ближе по-новому. В "Онегине" я это почувствовал».

В отличие от других поэтов-символистов, Блок очень рано заметил и предугадал, что попытки футуристов радикально обновить поэзию, ее язык могут в будущем привести к новому пониманию Пушкина.

Именно на этом фоне и произошел конфликт между Городецким и Вяч. Ивановым. Блок и Вяч. Иванов по-разному относились к футуристам, и слишком резкое отношение Иванова к ним в 1913-1914 гг. было мотивировано, как свидетельствовал его бакин-ский ученик М.С.Альтман, отсутствием у футуристов "веры в Бога". Между тем, как известно, Вяч. Иванов выделял и высоко ценил творчество Хлебникова и Елены Гуро. По всей видимости, в этой ссоре Городецкий выступил не только в защиту акмеизма, но и в защиту радикальной позиции футуристов по отношению к Пушкину и этим вызвал резкую реакцию Вяч. Иванова. И здесь сыграло роль, вероятно, еще одно обстоятельство: Вяч. Иванов с лета 1912 г. находился в Италии, был в определенном отрыве от российской литературно-художественной жизни. Этим и объясняется его несколько запоздалая резкая реакция на эпатажные выходки футуристов против Пушкина.

Восприятие Пушкина футуристами четко разделяется на два этапа: дореволюционный, "антипушкинский" период, когда они боролись с Пушкиным, вернее с "культом Пушкина", и послереволюционный, апологетический период, когда они считали себя едва ли не главными наследниками Пушкина.

В ноябре 1913 г., в разгар футуристического "бунта", Д.Бурлюк прочел два полемических доклада "Пушкин и Хлебников", которые вызвали резкие отклики в "желтой" печати. Анонимный репортер в заметке "Пушкин и... футуристы" писал в газете "Речь" (4 ноября 1913): «Я никогда не видел умалишенных на свободе. И вот вчера впервые, в зале Тенишевского училища, мне удалось увидеть одного из этих несчастных, который, страдая манией величия, с кафедры призывал русское общество проснуться, "сбросить Пушкина, Лермонтова (? — А.П.), Гоголя с парохода современности", оставить "усмешку провинциального высокомерия" и пойти за ними, "юными вдохновителями", "людьми искусства". <...> С блуждающим взором, лорнируя публику, футурист Д.Д.Бурлюк в течение двух часов поносил Пушкина, как только мог. "Пушкин — мозоль русской жизни" должен быть забыт, так как он "тормозит развитие общественной души". Но зато нужно преклониться перед новым течением в литературе, перед новыми поэтами, которые "дышат межпланетной материей". Хлебников — вот новый бог, вот новый кумир». Здесь Д.Бурлюк несомненно перифразирует известную формулу Белинского "Пушкин — энциклопедия русской жизни".

Москва

Окончание следует.